

А
Марко Вовчок

Игрушечка

(Посвящается Марье Каспаровне Рейхель)

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый
М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

Я родом-то издалёка, свой край чуть помню: увезли меня оттуда по шестому году. Вот только помню я длинную улицу да темный ряд избушек дымных; в конце улицы на выгоне стояли две березы тонкие -- высокие. Да еще помню, у нас под самым окном густые такие конопли росли, а меж коноплями тропиночка чернела, а где-то близко словно ручеек журчал, а вдали на горе лес зеленел. Да еще я помню свою матушку родную. Все она, бывало, в заботе, да все сиживала пригорюнившись... Отца я не зазнала: он помер, мне еще и году не было. Жили мы в своей избушке... После, на чужой стороне, часто мне, бывало, те дни прошлые пригрезятся, что кругом поле без краю, солнце горит и жжет, сверкают серпы, валится рожь колосистая; я сижу под копной, около меня глиняный кувшинчик с водой стоит; подойдет матушка с серпом в руке, загорелая она, изморенная, напьется воды из кувшинчика, на меня глянет и мне усмехнется... А зимою! в печи дрова трещат, в избушке дымно; хлопочет заботная моя матушка, а в окно глянь -- снежная пелена белая из глаз уходит; во всех избах сенные двери настежь, и валит из дверей дым серый... Деревья стоят, инеем опушились; тихо на улице; только задорные воробьи чирикают, скачут... И вдруг я в хоромах богатых очутилась, всюду шелки да бархаты, стены расписные, гвозди золоченые. Стою я середь горницы замираючи, а передо мной сидит на кресле барыня молодая, пригожая, разряженная. Сидела она и, глядячи на меня, усмехалась. Маленькая барышня, румянюнькая, кудрявая, вертелась по комнате да, смеючись, все меня беленьким пальчиком затрагивала -- вот словно как деревенские ребятишки галчат дразнят... Как схватили меня с улицы и посередь горницы перед барыней поставили, так и стою я да озираюсь: сердце у меня со страху закатилось... Понемножку я в себя пришла и плакать стала, стала к матушке проситься. Барыня в серебряный колокольчик зазвонила, и человек усатый вбежал: "Отнеси ее домой!" -- показывает ему барыня на меня, а барышня как закричит, как затопает ножками!.. Барыня к ней целовать, унимать -- барышня еще пуще... Выскочил из другой горницы барин щеголеватый... "Что? что?" Махнули на усатого человека: "Иди!", а меня не пустили, кусочек мне сахару дали и велели: "Не плачь". Потом я помню безлюдное да безбрежное поле да по полю дорогу змеей черною да помню свою тоску беспомощную... После уже, как я в лета вошла, то от людей узнала, что и как было.

Увидала меня на улице барышня гуляючи; я барышне приглянулась. "Дай мне эту девочку, подари!" -- говорит она барыне.

Барыня ее уговаривать стала: "На что тебе такая замарашка, глупенькая!" Да барышня ничего слушать, знать не хочет: "Дай девочку!" Сама в слезы ударилась. Вот и приказали меня в хоромы привести. Привели, да уж и не выпустили. А господа в другую отчину выезжали, и на другой день у них был отъезд положен. "Хочу девочку с собой взять!" -- кричит барышня. Попробовали ее уговаривать, только слова даром потратили. Барышня опять расплакалась, опять раскричалась; погладили ее господа по головке и велели меня в дорогу с собой снарядить. Приходила к ним моя матушка с горькими слезами: "Отдайте дочку!"

-- Я б тебе отдала, да барышня не пускает, очень ей твоя дочка понравилась, -- ответила моей матушке барыня. -- Ты не плачь, пожалуйста: она ведь скоро барышне прискучит, детям забава не надолго -- тогда сейчас твою дочку мы перешлем к тебе.

Вышла барыня из девичьей и говорит своей ключнице любимой:

-- Ах, как жалко мне эту женщину! просто я на нее смотреть не могу. Идите, душечка Арина Ивановна, скажите ей что-нибудь, дайте ей вот денег... ну, отдайте что-нибудь из моих вещей похуже... Только поскорее, чтоб она шла себе, чтоб тут не плакала...

Вышла Арина Ивановна к моей матушке и стала мою матушку из хором гнать. Матушка пошла. На другой день, как мы уж выезжали, приходила она хоть проститься со мной -- не допустили.

-- Лучше ты не показывайся: раздражишь девочку, и барышню еще в слезы введешь, и господ, чего доброго, разгневишь -- твоей же дочке жутче придется.

Матушка и не стала добиваться. Только как мы из деревни выезжали, она спряталась на выгоне в конопли да издали на меня взглянула, поблагословила меня... А мне-то, глупой девочке, каково